

ЭМИЛИ САЛЛИВАН

СМЕРТЬ В РАЙСКОМ УГОЛКЕ

перевод Влады
Мехрюковой

детектив

МИО

МИФ Проза

Эмили Салливан

Смерть в райском уголке

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-445.7

Салливан Э.

Смерть в райском уголке / Э. Салливан — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281003-1

Овдовевшая Минни Харпер живет с двумя детьми на греческом острове Корфу, стараясь сохранить дом и привычный уклад. Но хрупкое равновесие нарушает появление нового соседа – Стивена Дориана, знаменитого автора детективов, человека с тяжелым характером и сомнительной репутацией. В поисках заработка Минни соглашается стать его машинисткой – и вскоре оказывается втянута в расследование убийства молодой служанки. Так перед ней открывается другой Корфу – райский уголок, за фасадом которого скрываются ложь, старые обиды и смертельные секреты, а единственным союзником становится человек, которому она совсем не доверяет.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-445.7

ISBN 978-5-00-281003-1

© Салливан Э., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмили Салливан

Смерть в райском уголке

Original title:
A DEATH ON CORFU
Emily Sullivan

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2025 by Emily Sullivan

All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any form or by any means without the prior written consent of the Publisher, excepting brief quotes used in reviews.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

*Посвящается Терезе и Марии, для которых нет ничего лучше
хорошего детектива*

Глава 1

Меня часто спрашивают о том, как же я впервые встретила великого Стивена Дориана – автора всеми любимых детективных историй об инспекторе Дюмоне. И хотя многие знают, что я подрабатывала у него машинисткой во время его пребывания на Корфу весной 1898 года, где я в то время жила со своими детьми после смерти моего мужа, наша совместная история на самом деле началась с тритона.

Если говорить конкретнее, то с того самого тритона, которого я обнаружила у себя на подушке.

В то время мой сын Томми – ему как раз исполнилось восемь – был одержим фауной острова. Я, как и любая хорошая мать, поощряла его интерес к природе, но у терпения каждой женщины есть предел. Тем утром я, как обычно, проснулась из-за воплей миссис Курис, нашей экономки. Она кричала на местных котов, которые любили собираться у дверей на кухню и громко мяукать в надежде полакомиться какими-нибудь объедками. Я много раз объясняла этой женщине, что коты перестанут приходить, если она прекратит их подкармливать, но та снова и снова пожимала плечами и что-то бурчала себе под нос. Учитывая, что так миссис Курис реагировала на большую часть моих замечаний, я решила, что в глубине души она питала слабость к бездомным зверям, несмотря на громкие протесты.

Пока я собиралась с силами, чтобы начать новый день, мой взгляд наткнулся на довольно большую трещину в потолке над кроватью. Прежде я ее не замечала, но теперь не могла думать ни о чем другом.

Трещина в потолке, к сожалению, не была чем-то из ряда вон выходящим. Хитрый специалист по недвижимости едва ли не молился на эту маленькую виллу у берега моря, и мы с моим почившим мужем Оливером купили ее, ни разу не посетив это место, чтобы посмотреть на дом своими глазами. Подписывая купчую, мы понимали, что придется поработать, чтобы облагородить наше новое жилище. Вот только *истинный объем* предстоящей работы мы осознали, стоя посреди фойе в окружении кучи сундуков, в которые уместились все наши пожитки. Моя дочь Клео – ей тогда было шесть – крепко сжимала мою ладонь, пока малыш Томми сладко дремал на плече у Оливера.

Если верить слухам, эта вилла изначально служила любовным гнездышком для британского офицера и его любовницы, но уже долгие годы в ней никто не жил. И это было заметно. Помню, какой ужас меня охватил, когда я впервые смогла оценить состояние дома: стены, открытые ветрам, потрескались, пол покрывал толстый слой пыли и грязи, а кухня была оснащена настолько примитивно, что мне потребовался почти час, чтобы просто заварить чай. Но я до сих пор помню, как губы Оливера расплылись в улыбке, когда он повернулся ко мне и объявил, что вилла «идеальна». Посвятив более десяти лет жизни работе в Дипломатической службе Ее Величества, мой муж решил раньше положенного срока выйти на пенсию и покинул свой пост в британском посольстве в Афинах. Но вместо того чтобы вернуться в Англию, он перевез нашу маленькую семью на Корфу. Благодаря невероятной стойкости и помощи местных жителей мы сумели привести виллу в приличное состояние до смерти Оливера. Но со дня его кончины прошло уже четыре года, и в последнее время мне казалось, что каждую неделю на поверхность вылезает новая проблема. Пускай муж оставил нам приличное состояние, с каждым годом сумма на счете стабильно уменьшалась. Я при любой возможности брала подработки, но гонораров никогда не хватало, чтобы покрыть расходы.

Я перевернулась на бок, пытаюсь вспомнить, когда наш плотник Нико собирался навестить свою родню на континенте. На этой неделе или все-таки на следующей? Но не успела я как следует сосредоточиться на этой мысли, как у меня перед носом возник маленький коричневый тритон. Пускай я не впервые видела тритона и прекрасно знала, что это совершенно

безобидное создание, едва ли я ожидала обнаружить его в кровати. Тритон моргнул, не сводя с меня своих черных водянистых глазок, и с моих губ сорвался громкий высокий визг, разбудивший всех остальных обитателей дома, а может, и всех соседей в округе.

Томми ворвался в мою спальню как раз в тот момент, когда испуганный тритон попытался сползти с кровати. Следом за братом появилась и Клео. Она шла неспешной походкой человека, которому причинили невероятные страдания. Ей было четырнадцать – ужасный возраст как для нее, так и для меня.

– Томми, дорогой, – выдохнула я, хоть отчасти восстановив самообладание, – от тебя, случайно, не сбежал тритон?

Его карие глаза вспыхнули восторгом.

– Ты нашла его! Я назвал его Тритоном в честь бога моря!

Я ткнула пальцем в угол комнаты, где в данный момент Тритон полз вверх по стене.

– Тритон по имени Тритон, – усмехнулась Клео. – Как оригинально.

– Да, я тоже так подумал, – ответил Томми.

Он совершенно не уловил сарказма в голосе сестры, полностью сосредоточившись на том, чтобы поймать хитрое создание.

– Очень находчиво, дорогой, – согласилась я, набросив на плечи халат. – Но, боюсь, Тритон должен жить *снаружи*.

– Я принес его только на одну ночь, – робко признался Томми, осторожно поглаживая Тритона, отчего создание, казалось, успокоилось. – Ты не должна была узнать.

Не сумев сдержать улыбку, я поддела пальцем его подбородок:

– И все же иногда даже хорошо продуманные планы идут наперекосяк. Но если я обнаружу еще одну твою зверушку в своей постели, мои нервы могут не выдержать.

Учитывая тот факт, что в последнее время у Томми особенно возрос интерес к змеям, ящерицам, а порой и большим страшным паукам, мне повезло, что тем утром я обнаружила у себя на подушке всего лишь тритона.

– Могу я его навещать?

– Столько, сколько захочешь, – пообещала я. – Позволь мне одеться, и мы вместе отправимся в сад, чтобы найти для него подходящее местечко.

Мое предложение заметно приободрило Томми, и он бросился к сестре:

– Хочешь с нами? Я даже дам тебе его подержать.

Клео это предложение ужаснуло.

– Исключено. Я возвращаюсь в постель, – фыркнула она.

– Не залеживайся, дорогая, – крикнула я ей вслед. – Утром мы идем на рынок.

Клео буркнула что-то в ответ, напоследок хлопнув дверью своей спальни так сильно, что я невольно настороженно покосилась на потолок, молясь, чтобы дом пережил переходный возраст моей дочери.

Я наскоро умылась и накинула на плечи одну из помятых хлопковых накидок, в которых обычно ходила по дому, а затем следом за Томми вышла во двор, сжимая в руках крохотную чашечку крепкого греческого кофе, приготовленного миссис Курис. Пока Томми ползал по саду в поисках идеального места обитания для Тритона, я бродила следом, изредка делясь своими советами, которые он вежливо игнорировал. Утренний воздух еще не успел как следует прогреться, а дымка над Ионическим морем только начала рассеиваться. Пускай дом потихоньку распадался на части, крохотный сад оставался столь же ярким и полным сочной зелени, как и в день нашего прибытия. Изящные кипарисы плотным коконом окружали участок, а над террасой, где мы чаще всего обедали, ползли виноградные лозы, даря столь необходимую тень и прохладу. Бугенвиллея, бархатцы, розы – и море других диких цветов, в названиях которых я была не уверена, – усеивали каждый свободный пяточок земли, наполняя воздух головокру-

жительным ароматом, тогда как гранатовые, фиговые и, конечно же, лимонные деревья постоянно находились на разных этапах цветения.

Обычно я тратила свободные утренние и вечерние часы, занимаясь садоводством, так как у меня было куда больше шансов вырастить что-нибудь, нежели починить. Опустошив чашку кофе, я достала свою маленькую лейку, чтобы полить грядку с пряными травами и зеленым луком. Другим растениям тоже требовалась вода, но мне пришлось оставить это занятие, потому что Томми позвал меня в маленькую оливковую рощу, раскинувшуюся в дальней части сада. Деревья создавали естественную границу между нашим домом и соседним имением – большой и гораздо более ухоженной виллой в венецианском стиле, которой владел лондонский бизнесмен по имени мистер Говард. Но обычно он приезжал на остров только в летние месяцы.

Именно тогда, пока мы бродили по роще, меня внезапно настигло ощущение, будто кто-то на меня смотрит. Я оглядела огромную виллу, расположенную на холме, и с удивлением обнаружила на ее балконе мужчину. Тот наблюдал за нами, облокотившись на богато украшенную балюстраду. Наши взгляды встретились, и, даже стоя так далеко, я ощутила, как по телу пробежала дрожь. Из-под его распахнутого халата с узором пейсли¹ выглядывала белая рубашка, а на его лоб в довольно шегольской манере спадал темный локон. Заметив, что рядом с его локтем стоит бокал, наполненный янтарной жидкостью, я догадалась, что этот мужчина, в отличие от нас, не поднялся рано, а еще не ложился спать.

Я вскинула руку в знак приветствия, а он, ответив неуверенным кивком, исчез в глубине дома.

– Кто это был?

Я покосилась на Томми, а затем вновь перевела взгляд на опустевший балкон и покачала головой:

– Не знаю, дорогой.

– Это был не мистер Говард, – заявил Томми. – Потому что мистер Говард *очень* старый.

– Да, – рассеянно согласилась я, хотя мистер Говард определенно возразил бы, ведь ему не могло быть больше пятидесяти. – Спросим у миссис Курис. Возможно, она знает.

На этом острове ни одна козочка не могла проблеять без ведома миссис Курис.

Томми мой ответ удовлетворил, и он отвернулся, чтобы выпустить Тритона на тенистый пятачок земли.

– Очередной англичанин, – буркнула миссис Курис, когда мы вернулись в дом, чтобы расспросить ее о нашем загадочном новом соседе. – На острове их уже слишком много.

Я давно научилась разбираться в тонкостях неприязни моей экономки к англичанам и ни капли на нее не обижалась, ведь у меня самой было довольно много претензий к соотечественникам.

– Вам известно что-нибудь еще? – спросила я. – Например, как долго он собирается здесь оставаться?

Но она так яростно замотала головой, будто сам вопрос вызывал у нее отвращение. Я оставила ее возиться со спанакопитой – пирогом с сыром и шпинатом, который наша семья потребляла в поразительных количествах, и отправилась готовить завтрак детям. Мы с Томми почти покончили со своими фруктами и тостами, когда Клео соизволила присоединиться к нам на террасе. К тому времени ее настроение значительно улучшилось, и я облегченно выдохнула, когда она с искренним интересом принялась расспрашивать Томми о судьбе Тритона. Но пока Томми рассказывал ей о своих утренних приключениях, мой взгляд то и дело ускользал к стоявшей на соседнем холме вилле, хотя с этого места ее было почти не видно из-за полосы деревьев.

---

¹ Пейсли – декоративный орнамент каплеобразной формы с заостренным загнутым вверх концом. Известен также как «восточный огурец». *Здесь и далее прим. ред.*

Тот мужчина точно *походил* на англичанина или, быть может, на американца, хотя миссис Курис никогда не стремилась понять разницу. Я попыталась вспомнить все, что знала о мистере Говарде, но в голове возникло лишь размытое воспоминание о том, что он как-то связан с издательским делом. Теперь я сожалела, что никогда не проявляла дружеского интереса к своему соседу во время его визитов на остров, какими бы короткими и редкими они ни были. Оливеру такие вещи всегда давались куда лучше. Он заводил друзей везде, куда бы ни пошел.

– Мама?

Я моргнула и повернулась к Клео.

– Я спросила, готова ли ты отправиться в город? – нетерпеливо повторила та.

– О да. Конечно.

Клео сморщила носик:

– Но в *этом* ты никуда не поедешь.

Я опустила взгляд и с удивлением осознала, что на мне все та же мятая накидка. Учтывая, что я и при лучших обстоятельствах часто ставила Клео в неловкое положение, так дело точно не пойдет.

Я извинилась и вышла из-за стола, чтобы переодеться в бледно-желтое дневное платье, которое Клео неохотно признала сносным, и вскоре мы забрались в нашу небольшую повозку, запряженную осликом, и отправились в город. Томми остался дома, чтобы навестить мистера Пападопулоса, который жил чуть ниже по улице и рассказывал Томми о местной флоре и фауне. Когда мы проехали мимо дороги, ведущей к вилле мистера Говарда, я рассказала Клео о загадочном мужчине, которого видела этим утром.

Она тут же принялась забрасывать меня вопросами, но ответить мне было нечего.

– Миссис Курис говорит, что он из Англии, – поделилась я всем, что знала.

– Я спрошу Джульетту. Вдруг ей что-нибудь известно, – пообещала Клео с решительным кивком.

Джульетта Тейлор была ровесницей Клео, а ее мать знала о британцах, проживающих на Корфу, почти столько же, сколько миссис Курис о местных греках.

– Прекрасная идея.

Оставшаяся часть пути прошла в дружеской обстановке. Я с удовольствием слушала, как Клео сплетничает о своем маленьком круге друзей. Как и она сама, эти ребята были детьми людей, которые когда-то работали в Дипломатической службе или же остались на острове после окончания протектората в 1860-х годах². Клео и Томми посещали маленькую английскую школу в Корфу-тауне, и пускай стоило признать, что уровень образования здесь оставлял желать лучшего, они восполняли пробелы в знаниях в нашей домашней библиотеке. Мы с Оливером верили, что свобода, которой дети смогут наслаждаться, живя на Корфу, бесценна. И это было правдой: детство Клео и Томми ни капли не походило на наше с Оливером. Нам с моей младшей сестрой пришлось вытерпеть череду довольно посредственных гувернанток, прежде чем я достигла нужного возраста, чтобы отправиться на учебу в Гертон-колледж³, хотя мои родители сперва сильно возражали против этой затеи. Они хотели отправить меня в ужасную школу-интернат, которую посещала моя мать, где меня бы учили лишь тому, как заполучить богатого мужа. Только благодаря вмешательству острой на язык тетушки Агаты – старшей сестры моего отца – мне позволили учиться в школе, которую я выбрала сама.

Оливера же родители отправили учиться в Харроу в возрасте шести лет. Затем он поступил в Кембридж. Знаю, это привычный жизненный путь для мальчиков нашего происхождения, но мне было сложно смириться с мыслью, что я не смогу видеться с Томми каждый день.

---

² Речь идет о Соединенных Штатах Ионических Островов, историческом государстве, существовавшем с 1815 по 1864 год под протекторатом Великобритании.

³ Гертон-колледж – один из 31 колледжа Кембриджского университета в Великобритании и первый женский колледж при Кембридже.

Большинство коллег Оливера из посольства отправляли своих детей, как только те достигали нужного возраста, учиться обратно в Англию. Но у нас с Оливером не было желания поддерживать эту традицию, и во многом именно поэтому мы переехали на Корфу. Потому я и осталась здесь даже после смерти Оливера, несмотря на бесконечную череду неприятностей, с которыми приходилось мириться.

Когда мы прибыли в Корфу-таун, на его мощеных улочках царило оживление. Мне очень нравились здания в венецианском стиле, расположенные рядом с гаванью, и я много раз серьезно раздумывала над тем, чтобы переехать сюда, ведь нам с детьми так было бы куда удобнее. Но мои последние воспоминания об Оливере были настолько тесно связаны с поместьем «Лимонная Роща», что я не могла оставить ни дом, даже со всеми его недостатками, ни мужа в прошлом.

Мы привязали нашего ослика Мориса в тени и отправились на рынок. Я только подошла к своему любимому прилавку, где продавались самые изысканные смеси специй, когда Клео заметила Джульетту с матерью и тут же бросилась им навстречу, чтобы поприветствовать.

– Миссис Харпер! – крикнула Вирджиния Тейлор, помахав мне рукой.

Вирджиния была привлекательной женщиной. Таким роскошным светлым волосам можно было позавидовать, а жизнерадостность делала ее приятным собеседником во время званных вечеров, хотя общение с ней в больших дозах могло немного утомлять. Ее муж тоже работал в британском посольстве в Афинах, хотя и не в одно с Оливером время, ведь он был куда старше нас. Сейчас Тейлор занимался морскими перевозками, и, учитывая размер и местоположение их виллы, его предприятие весьма преуспевало.

Несмотря на дружбу Джульетты и Клео, я редко появлялась в кругу общения Тейлоров. Они были значимой частью британской общины, оставшейся на острове, тогда как я после смерти Оливера по большей части держалась особняком.

Несколько минут мы с Вирджинией дружелюбно щебетали о погоде и о наших любимых торговых лавках.

– Ну что, ты его видела? – заговорщицким шепотом спросила она, подавшись вперед, когда девочки, хихикая, куда-то убежали.

Я нахмурилась:

– Видела кого?

– Мистера Дориана, разумеется! Только не говори, что ты еще не нашла причины постучаться к нему в дверь, – рассмеялась она. – Боже, если бы я жила рядом с ним, то уже через час стояла бы у него на пороге, чтобы одолжить чашку сахара.

– Ты говоришь о госте мистера Говарда? – в замешательстве уточнила я.

Голубые глаза Вирджинии расширились.

– Минни! Ты и правда о нем не слышала? Это же *Стивен Дориан!*

Я недоуменно пожала плечами в ответ, и она снова рассмеялась:

– Он автор серии детективов об инспекторе Дюмоне. Он почти так же знаменит, как Артур Конан Дойл!

– Ох. Боюсь, я не большая любительница детективов, – извиняющимся тоном призналась я.

Чтение детективов было любимым послеобеденным занятием Оливера, и я бесчисленное количество раз находила его дремлющим в гамаке с раскрытой книгой, лежащей на груди. Мне больше нравились классические романы, исторические трактаты или спокойные уютные рассказы об обычных людях. Оливер не раз шутиливо обвинял меня в книжном снобизме, и, полагаю, он не сильно ошибался в своем суждении.

– Знаю, это не Шекспир, но его книги *действительно хороши*, – продолжила настаивать Вирджиния. – А еще он ужасно симпатичный.

Я неразборчиво пробормотала что-то в ответ, потому что сказать по этому поводу мне было нечего. Вот только в сознании моментально вспыхнуло воспоминание о его растрепанных волосах и пронизательном взгляде.

– Возможно, я попробую прочесть одну из его книг. Ты не знаешь, надолго ли он здесь задержится?

– Понятия не имею. О! – воскликнула она и помахала кому-то за моей спиной. – Я вижу Флоренс. Она должна знать.

Флоренс Бельведер была приятной женщиной среднего возраста с пронзительными голубыми глазами, пышной фигурой и светло-каштановыми волосами, слегка тронутыми сединой. Если Джульетта знала все о молодом поколении Корфу, то Флоренс служила оракулом для взрослых. Ее семья поселилась на острове с самого начала протектората, но училась Флоренс в Англии, где и повстречала своего мужа, который работал адвокатом. Они вернулись на Корфу больше десяти лет назад, когда их дети уже выросли, и обосновались в очаровательной бело-снежной вилле неподалеку от имения мистера Говарда. Пускай Флоренс из-за своего происхождения и была склонна к претенциозности, они с мужем особенно сильно помогли мне после смерти Оливера, за что я всегда буду им благодарна.

– Всем здравствуйте! – прошептала Флоренс, подойдя к нам. За ней следовала, держась в нескольких шагах позади, невероятно привлекательная гречанка с красивыми темными глазами и весьма хмурым видом. – Я так рада видеть вас обеих, – улыбнулась Флоренс, обернулась к девушке и гаркнула ей что-то на греческом, а затем указала в сторону ближайшей торговой лавки. Девушка ничего не ответила, но послушно побрела прочь. Флоренс устало выдохнула и вновь повернулась к нам: – Это наша новая горничная Дафна. Клянусь, на этом острове невозможно найти хорошую прислугу. Никогда не пойму, как моя мать справлялась все эти годы.

Вирджиния сочувственно хмыкнула, а вот моя улыбка стала чуть более натянутой. Учтивая, что Флоренс выросла недалеко от того места, где позже построили дворец для императрицы Австрии, названный Ахиллионом, я бы сказала, что ее мать действительно «справлялась» неплохо. Но я давно уяснила, что людям не нравится, когда их тычут носом в их привилегии, и особенно это касается богачей.

– Но это неважно, – беззаботно продолжила Флоренс. – Завтра мы устраиваем небольшой званый вечер, чтобы поприветствовать мистера Дориана, и я буду очень рада, если вы обе сможете прийти.

Вирджиния устремила на меня многозначительный взгляд.

– Какая прекрасная идея, Фло. Мы с мистером Тейлором обязательно будем там.

Я как раз собиралась вежливо отказаться, когда рядом со мной внезапно возникла Клео.

– Она тоже придет! – воскликнула моя дочь, схватив меня за руку.

– Клео, – предупреждающе прошептала я.

– Но, мама! – возразила та. – Ты никогда никуда не ходишь!

– Потому что я должна заботиться о тебе и о твоём брате, дорогая, – выдавила я с напряженной улыбкой.

Я не лукавила, но на самом деле мне не хотелось тратить время на поход в гости.

– Я могу присмотреть за Томми. К тому же мистер Пападопулос собирался заглянуть на ужин. Мы справимся.

Я удивленно моргнула. Клео никогда прежде добровольно не вызывалась присмотреть за братом. Ее помощи обычно можно было добиться только подкупом, но это редко стоило того, чтобы позже выслушивать ее жалобы. Я прищурилась, но Клео ответила на мой подозрительный взгляд широкой улыбкой.

– Тогда решено, – заключила Флоренс. – Приходите к нам домой завтра около восьми вечера.

– *Восьми?* – ахнула я. Обычно я ложилась спать не позднее девяти. Но Клео сильнее сжала мою руку, и я подавила усталый вздох. – Звучит потрясающе.

Мы еще немного поболтали о всяких бессмысленных мелочах, прежде чем разойтись. Затем я купила специй в лавке, и мы с Клео отправились домой. Она без остановки болтала о званом вечере, засыпая меня вопросами о том, что я надену и как уложу волосы.

– Не знаю, – честно ответила я. – Почему ты в таком восторге? Это я иду на ужин.

Но Клео мое ворчание не смутило. Она печально вздохнула:

– Хотелось бы мне пойти на шикарный званый вечер в компании знаменитого писателя. Как думаешь, танцы там будут? Ах, а вдруг он пригласит тебя потанцевать? Как волнительно!

Я только рассмеялась. Я не танцевала с мужчиной с самой смерти Оливера и даже в юности не отличалась особым мастерством.

– Сомневаюсь, что там произойдет нечто подобное, дорогая.

Скорее всего, я проведу вечер в одиночестве, сидя в уголке, потягивая шерри и пытаюсь придумать остроумные комментарии, которые в итоге все равно оставлю при себе. Мне никогда не нравилось посещать праздники, на которых присутствовало много малознакомых мне людей, но раньше со мной хотя бы был Оливер. Теперь мне придется идти одной. Эта мысль уже наполняла меня склизким, леденящим душу ужасом.

Однако Клео не обратила внимания на недостаток моего энтузиазма, что было к лучшему, и начала обсуждать возможные наряды. Меня мода никогда особенно не интересовала, но после рождения детей оказалось, что куда проще носить практичные вещи, которые легко отстирать при необходимости. Сейчас Клео и Томми по большей части удавалось держать свои липкие ручки при себе, но привычка незамысловато одеваться осталась со мной. К тому же прихорашиваться мне было не для кого. Хотя, если быть честной, Оливера мой гардероб интересовал еще меньше, чем меня саму. Но, возможно, Клео в чем-то права. К тому времени, как мы добрались до дома, она припомнила все предметы из моего шкафа и каждый из них объявила неприемлемым. Такой поворот привел ее в крайне взволнованное состояние, и она пообещала что-нибудь придумать к завтрашнему вечеру.

– Серьезно, все хорошо, Клео, – устало заверила я. Послеобеденное солнце раскалило воздух до невыносимо высокой температуры, и меня утомили ее жалобы на мой гардероб, каким бы скромным он ни был. – Я надену голубое платье с кружевной тесьмой.

– *Мама!*

Возглас Клео был наполнен таким ужасом, будто я решила обернуться в кухонное полотенце. Она заставила меня поклясться, что я ни при каких обстоятельствах не прикаснусь к голубому платью, и умчалась в дом, оставив меня разбираться с покупками.

– Что не так с голубым платьем?

Я обернулась и увидела, как мистер Пападопулос направляется ко мне с недоуменным выражением лица. Наш сосед был коренным жителем Корфу, но в молодости он покинул остров ради учебы в университете Афин, где еще много лет после выпуска преподавал ботанику, прежде чем вернуться сюда, чтобы ухаживать за своей стареющей сестрой. Его жена трагически погибла много лет назад во время родов, и потеря любимых спутников жизни послужила крепким фундаментом для нашей дружбы.

Мистеру Пападопулосу было около шестидесяти, но он по-прежнему отличался статной осанкой и стройным телосложением, а седина лишь слегка тронула его черные волосы. Как и большинство местных мужчин, он носил усы, но предпочитал стричь их коротко. Вдобавок у него имелись очки в металлической оправе, которые придавали особый шарм его образу мудрого ученого.

– Понятия не имею, – призналась я.

Пока мистер Пападопулос помогал мне спуститься с телеги, я рассказала ему о приглашении к Бельведерам и об, очевидно, постыдном состоянии моего гардероба. Мистер Пападопулос в ответ усмехнулся.

– Воспитывать дочерей непросто. По крайней мере, так всегда говорила моя мать. Но у нее дочерей было пять, так что, думаю, вы можете считать, что вам повезло, – сказал он и подмигнул.

– Боже, – отозвалась я, ужаснувшись от одной мысли о жизни с пятью Клео под одной крышей. – Пожалуй, я последую вашему совету. Правда, стоит принять во внимание ее возраст.

Мистер Пападопулос глубокомысленно покачал головой:

– И то верно. Люди часто мечтают вернуть молодость, но я ни за какие деньги на такое не соглашусь. Однажды пережить этот период более чем достаточно.

– Согласна.

Мистер Пападопулос помог мне распрячь Мориса и отвел его в загон, где Томми кормил наш небольшой выводок куриц. Мистер Пападопулос поведал мне о том, как они с Томми провели день, а я рассказала о своей утренней встрече с Тритоном.

– Вы хорошая мать, миссис Харпер, – с теплотой сказал он. – Большинство женщин не справились бы с таким нежеланным гостем столь же хорошо.

– Большинство людей, – поправила я с улыбкой.

Видит бог, Оливер с куда большей брезгливостью смотрел на жуков и других мелких тварей. Я часто задавалась вопросом, как бы он отнесся к новообретенному увлечению нашего сына животным миром.

– Разумеется, – согласился мистер Пападопулос, вежливо кивнув. – Но я не отказываюсь от первой части моего высказывания.

Я склонила голову, смущенная его похвалой. Большую часть времени мне с трудом удалось подавить в себе ощущение, будто я терплю неудачу за неудачей во всех аспектах материнства.

– Спасибо.

К тому времени мы добрались до маленького дворика, где мы держали своих животных, которых постепенно становилось все больше. Вдобавок к ослику Морису и курицам в нашем зверинце также обитала утка и крайне ворчливый однорогий козел по кличке Гомер. По совершенно неясной для меня причине козел предпочитал, чтобы его кормила именно я. Вот и сейчас, словно по команде, стоило мне появиться рядом, он подбежал к ограде, громко бляя.

– У меня для тебя ничего нет, Гомер, – умоляющим тоном протянула я и показала ему пустые руки, но козлу этот аргумент показался недостаточно убедительным, и он требовательно ударил землю копытом.

Томми тут же появился за его спиной с ведерком корма в руках и передал его мне, одновременно рассказывая о разных растениях, которые они с мистером Пападопулосом собрали во время прогулки. Когда внушительный аппетит Гомера наконец был удовлетворен, я проверила, чтобы у Мориса на ужин было достаточно сена, а Томми накормил остальных животных. Прежде чем я успела попросить об услуге, мистер Пападопулос предложил навестить детей завтра, пока я буду на званом вечере.

– Желаю вам хорошо провести время у Бельведеров, – сказал он. – Вы слишком много времени проводите в компании детей и животных.

Я почесала Мориса за ухом – это место ему особенно нравилось, – чтобы избежать проницательного взгляда мистера Пападопулоса, хотя понимала, что он прав. Годы, прошедшие после смерти Оливера, были тяжелыми: мне приходилось в одиночку растить двоих детей и следить за тем, чтобы наш дом не развалился полностью. Но теперь, когда Клео и Томми подросли и с каждым днем становились все более самостоятельными, я погрузилась в некое подо-

бие транса и порой не знала, чем себя занять. Если честно, ощущение, будто я была лишней в собственном доме, немного сбивало с толку.

– Вам нужно проводить время со взрослыми. Смеяться, пить и наслаждаться дарованной вам жизнью.

Я подавила тяжелый вздох. Все это звучало слишком утомительно.

– *Вы* тоже взрослый.

Мистер Пападопулос ответил на мой раздраженный комментарий снисходительной улыбкой:

– Я имел в виду людей вашего возраста.

– Это действительно необходимо? – буркнула я.

– Боюсь, что так, – решительно кивнул он. – По крайней мере, на один вечер.

После того как мистер Пападопулос распрощался с нами, мы с Томми вернулись в дом и занялись приготовлением ужина. Вдобавок к потрясающе вкусной спанакопите, приготовленной миссис Курис, мы нарезали буханку свежеспеченного хлеба с базара и наш любимый твердый сыр, отварили несколько побегов дикой спаржи, которую Томми собрал на прогулке, и выложили на блюде немного оливок в рассоле из нашей собственной рощи. Мы поужинали на террасе, наслаждаясь легким бризом с моря, а затем дети убрали посуду со стола, пока я сидела с бокалом вина, любуясь тем, как солнце медленно скрывается за горизонтом. Когда я наконец поднялась с места, чтобы вернуться в дом, то не удержалась и бросила взгляд на виллу на холме и заметила мерцающий свет в окне верхнего этажа, едва видимого за листвой. Я всматривалась в окно куда дольше, чем мне хотелось бы признавать, но так и не увидела никаких признаков движения внутри.

Позже той ночью я проснулась с неприятным ощущением того, как из моего сознания ускользают обрывки сна. Я отчаянно пыталась вернуть их, ведь они наверняка обладали неким сокровенным смыслом, особенно учитывая то, как сильно билось мое сердце. Но все, что мне удалось вспомнить, – как мистер Дориан смотрел на меня со своего балкона. Прежде я этого не заметила, так как все мое внимание было сосредоточено на Томми и Тритоне, но теперь я ясно видела отчаяние, затаившееся в глубине его мрачного, неприветливого взгляда. Боль от этого внезапного озарения сдавила мою грудь, и я почти встала с кровати только для того, чтобы проверить, по-прежнему ли в том окне мерцает свет. Я ощутила странное желание выйти в сад и вскарабкаться на холм в темноте, чтобы сказать этому мужчине, что я видела печаль, которую он пытался скрыть. Чтобы сказать, что это чувство слишком хорошо знакомо мне самой. Но, разумеется, ничего подобного я не сделала. Вместо этого заставила себя закрыть глаза, и Гипнос вновь раскрыл для меня свои объятия.

Глава 2

– Ну серьезно, мам, – фыркнула Клео. – Я бы уже давно закончила, если бы ты перестала вертеться.

– Но ты не даешь мне *посмотреть*. Ты уверена, что получилось хорошо? – спросила я в десятый раз, пытаясь изогнуть шею так, чтобы заглянуть в зеркало.

После очередного тоскливого вздоха Клео запретила мне смотреть и заставила повернуться спиной к туалетному столику.

– *Уверена*. Теперь сядь прямо и дай мне закончить.

Я неохотно подчинилась и задержала дыхание, когда Клео заколола очередной локон у меня на голове. Какую бы прическу она там ни сооруджала, на это ушло ужасно много времени, и теперь я боялась, что могу опоздать.

Несколько шпилек спустя Клео наконец отступила в сторону.

– Готово, – заявила она с довольной улыбкой. – Итак, где ты хранишь свои румяна?

– О небеса, Клео. Я много лет не красилась.

– Знаю, – язвительно отозвалась она. – Но у тебя где-то здесь точно должна быть баночка румян и помада.

Я поджала губы. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, пока я не сдалась.

– В нижнем ящике туалетного столика, – буркнула я и показала себе за спину. Клео достала небольшой сундучок с косметикой, но, когда она уже потянулась, чтобы взять баночку румян, я жестом остановила ее. – Спасибо, дорогая, но с этим я справлюсь сама. – Затем я встала и повернулась к зеркалу. – А теперь дай-ка мне взглянуть на то, что ты сделала с моими...

Когда я увидела свое отражение, слова комом застряли в горле. Я не узнала саму себя, что сперва испугало меня и на мгновение лишило дара речи.

– Я выгляжу так...

– Элегантно, – закончила Клео с мечтательной улыбкой. – Мы с Джульеттой постоянно тренируемся делать прически друг на друге, и к тому же у миссис Тейлор всегда есть новейшие модные журналы из Парижа.

Я все продолжала изумленно изучать женщину в отражении. Моя мать, которая считалась самой красивой дебютанткой своего сезона, еще в детстве сказала мне, что красotka из меня не вырастет, особенно если сравнивать с моей младшей сестрой: той вдобавок к изумительным чертам лица с рождения досталась еще и внушительная харизма. Хотя, стоит отметить, мама все-таки признала, что мои глаза были моей лучшей чертой, а все остальное «достаточно сносно, чтобы помочь мне выйти замуж». Но при виде того волшебства, что Клео сотворила на моей голове, я была готова оспорить ее заявление. Клео убрала мои светло-каштановые волнистые волосы в узел на затылке и заколола шпильками, оставив несколько прядей обрамлять лицо. Мне всегда казалось, что оно у меня слишком длинное, но эта прическа выгодно подчеркивала большие карие глаза и скулы. Если бы мы были в Лондоне, сомневаюсь, что я бы произвела фурор в бальном зале, полном красивых, модных женщин, но я все равно ощутила небольшой прилив гордости от своего преображения. А такого чувства я не испытывала довольно давно.

Клео передала мне мою косметичку, напоследок наградив взглядом, не терпящим возражений.

– Хорошо. Добавлю чуть-чуть румян.

– Я и сурьму там видела, мам, – сказала она, выразительно выгнув бровь.

Мои щеки налились таким ярким румянцем, что никакая косметика не понадобилась бы.

– Это для бала-маскарада! – попыталась оправдаться я, но мои слова не убедили Клео.

– Хватит тянуть время, – сказала она и указала на косметичку.

Несколько минут спустя, когда я все же нанесла румянец и – каюсь – немного сурьмы вокруг глаз, мы встали перед зеркалом, чтобы по достоинству оценить наш совместный труд.

– Ох, мама, – выдохнула Клео, – ты выглядишь так очаровательно.

Я потрепала дочь по плечу:

– Спасибо, дорогая.

Мое отражение выглядело так, будто было списано с одного из рисунков «гибсоновских девушек»⁴, которыми сейчас кишели журналы. Но затем я взглянула ниже – на выцветший халат, ремнем затянутый на поясе, и ужаснулась:

– Мне нужно одеться.

Глаза Клео зажглись восторгом, и она бросилась к шкафу.

– Я как раз нашла подходящее платье. Поверить не могу, что ты прятала его так долго.

Ее голос звучал приглушенно, пока она рылась среди моей одежды. Я нахмурилась, глядя в зеркало, и нанесла еще немного румян на щеки.

– Я понятия не имею, о чем ты говори... Ох, боже. Клео, *нет*.

Я обернулась и увидела, что моя дочь держит перед собой воздушное лавандовое платье, про которое я совсем забыла. Для меня оставалось загадкой, почему оно вообще оказалось на Корфу вместе со мной.

«*Потому что ты сентиментальная дуручка*», – очень не вовремя напомнил мне внутренний голос.

Мы с Оливером редко ходили на официальные мероприятия вместе. Поженились довольно быстро и без особых церемоний, а затем сразу же отправились в Афины, где наш социальный календарь обычно полнился послеобеденными встречами с другими британскими семьями или неформальными ужинами в кругу друзей. Единственным исключением стал ужин в резиденции посла, который мы посетили незадолго до отбытия на Корфу. Тогда, во время обеда с очаровательной женой одного из состоятельных коллег Оливера, я посетовала, что не знаю, что надеть на этот званый ужин, и она вручила мне это платье в качестве своего рода прощального подарка. Она заказала его из Парижа сезоном ранее, но к тому времени, как оно прибыло в Афины, мода уже успела смениться – хотя не то чтобы я многое знала о таких вещах или сильно о них заботилась. Мне платье казалось просто красивым, и, наряжаясь в него, я тоже ощущала себя красивой. Та ночь была одной из лучших, что мы с Оливером провели вместе, и это даже заставило меня пожалеть о нашем решении покинуть Афины. Но мои попытки убедить Оливера остаться ничего не изменили. Он твердо вознамерился отправиться на Корфу во что бы то ни стало, поэтому так мы и поступили. Я осторожно подошла к Клео и пальцем коснулась тонкого шелка. На ощупь он казался даже мягче, чем я помнила. Но едва в голове начало оживать воспоминание о том, как Оливер с нежной улыбкой стоял, прислонившись к косяку двери моей старой гардеробной, я тут же отдернула руку.

– Я не могу надеть это платье, Клео. Оно... оно слишком торжественное.

Клео фыркнула:

– Нет, не слишком. Миссис Тейлор наряжается в куда более роскошные вещи к ужину.

Заявление Клео одновременно оскорбило меня и заставило скептически наклонить голову, но она лишь наградила меня выразительным взглядом. Учитывая то, как часто моя дочь оставалась на ужин в доме Тейлоров, мне пришлось признать ее правоту в этом вопросе.

– Я не сумею подняться на холм в этом платье, – запротестовала я.

– Хотя бы примерь его, – сказала Клео удивительно мягко, – прежде чем решить наверняка.

Только тогда я поняла, насколько сильно волновалась. И все из-за *платья*.

---

⁴ «Гибсоновская девушка» – идеал женской красоты, созданный американским иллюстратором Чарльзом Дана Гибсоном.

Преисполнившись решимости подавить этот глупый страх, я сбросила с плеч халат и взяла платье из рук Клео. Наверное, оно даже не налезет на меня. В конце концов, с тех пор, как я надевала его в последний раз, прошло много лет – и эти годы плохо отразились на моей фигуре. Но стоило мне просунуть голову сквозь слои воздушного хлопка и шелка и затянуть ткань вокруг корсета, как я инстинктивно поняла, что платье сядет идеально.

Клео принялась застегивать пуговицы, пока я поправляла короткие пышные рукава. Когда она закончила, я завязала вокруг талии широкий пояс на несколько оттенков темнее самого платья и встряхнула юбки, прежде чем расправить складки. Если раньше мне приходилось надевать подъюбки, чтобы придать фигуре нужные изгибы, то теперь мои бедра стали пышнее и прекрасно справлялись с этой задачей без сторонних приспособлений.

– *Пожалуйста*, не переодевайся, – взмолилась Клео.

Я улыбнулась ее отражению в зеркале и немного покрутилась, шурша юбкой. Платье было достаточно свободным, чтобы у меня не осталось сомнений: вскарабкаться на вершину холма, на котором стояла вилла Бельведеров, не составит труда. Но, бросив взгляд на карманные часы Оливера, лежавшие на туалетном столике, я поняла, что теперь точно опоздаю, даже если поспешу.

Я торопливо нанесла на кожу немного розовой воды, пока Клео собирала мою накидку и ридикюль. Мы вместе сбежали вниз по лестнице в гостиную, где Томми и мистер Пападопулос сидели, склонившись над какими-то старыми справочниками, любезно принесенными наши хорошим другом. Они одновременно вскинули головы при нашем появлении и наперебой начали сыпать комплиментами моему наряду. Я пообещала не задерживаться, но мистер Пападопулос и Клео поспешили попросить меня об обратном.

– И не волнуйся, мам, – серьезно сказал Томми. – Я проверю, что сегодня ночью к тебе в кровать ничего не заберется.

– Спасибо. Это очень предусмотрительно.

Затем я поцеловала его в пухлую щечку и вышла из дома в ночь.

Мы с Оливером выбрали эту маленькую виллу во многом потому, что она находилась близко к берегу, суля прохладный морской ветерок, легкий спуск к морю для лечебных купаний и потрясающие закаты. Мы не продумали лишь одну деталь: вилла находилась у подножия холма. Обычно все перечисленные мной достоинства перевешивали этот маленький недостаток. Но конкретно этим вечером, карабкаясь вверх по склону в туфлях и в вечернем платье с задранной почти до колен юбкой, я могла лишь проклинать наше решение купить именно этот дом. К тому времени, как я добралась до виллы Бельведеров, мои туфли были покрыты пылью, а прическа почти наверняка превратилась в гнездо. Подойдя к входу в огромное здание, я попыталась расправить складки на платье и стряхнуть с себя большую часть пыли, но, чтобы привести себя в порядок по-настоящему, мне требовалось зеркало.

Дверь мне открыла все та же молодая служанка, которую я видела на рынке днем ранее. Выражение ее лица тоже ни капли не изменилось: она смотрела на меня с привычным безразличием.

– *Kalispera!*⁵ – воскликнула я в надежде, что доброжелательное приветствие отвлечет ее от моего растрепанного вида.

Но девушка либо не расслышала меня, либо ей было все равно. Она молча впустила меня внутрь, забрала накидку и жестом указала в сторону задней террасы, прежде чем оставить меня в одиночестве стоять посреди прихожей. Бурный смех эхом разносился по отштукатуренным коридорам виллы, и я воспользовалась шансом привести себя в порядок в маленьком алькове, который Флоренс, шутя, называла дамской комнатой. Заглянув в зеркало, я с облегчением

---

⁵ Добрый вечер! (*греч.*)

поняла, что выгляжу не так ужасно, как боялась. Я освежила румянец на щеках, поправила несколько шпилек, что грозились выпасть из прически, и вытерла туфли маленьким платком, который всегда носила в сумочке.

Вернувшись в главный холл, я уже собиралась было направиться в сторону террасы, когда услышала, что в мою сторону, увлеченно беседуя между собой, идут двое мужчин.

– Мы ждем только миссис Харпер. Вы с ней уже встречались? – спросил первый.

Я тут же узнала голос Кристофера Бельведера, к которому испытывала искреннюю симпатию.

– Боюсь, что нет, – ответил его собеседник плавным, глубоким голосом.

– Она ваша соседка. Ее муж умер три или четыре года тому назад. Ужасно печально.

– У нее есть сын? – спросил второй мужчина мгновение спустя, и я заметила, что его манера речи была достаточно резкой, особенно по сравнению с жизнерадостным говором Кристофера.

Как и Оливер, этот незнакомец посещал лучшие учебные заведения Англии.

– И дочь.

– Тогда я понимаю, о ком вы говорите. Я видел ее вчера утром со своего балкона.

Так, значит, это тот самый мистер Дориан. Я не могла сдержать поток радостного предвкушения, наполнивший мои вены, и, не отдавая себе отчет в собственных действиях, отступила глубже в дверной проем дамской комнаты. Голоса перестали приближаться, и я решила, что они остановились рядом с тележкой с напитками, которая стояла в приемной комнате Бельведеров. В тот момент мне действительно стоило выйти из алькова и поприветствовать их, но маленькая глупая часть меня хотела узнать, какое же впечатление я произвела на мистера Дориана.

– Ах, чудесно, – отозвался Кристофер. – Она посещала Гертон, но, к счастью, не из числа тех ужасно мужеподобных учениц. – Такое описание заставило меня нахмуриться, но едва ли мне впервые приходилось слышать подобные комментарии. – И все же она очень умна, – продолжил Кристофер, совершенно не догадываясь о моем присутствии. – Даже работала на меня какое-то время. Правда, моя жена говорит, что миссис Харпер не читает детективы. Они слишком неприятны на ее вкус, – со смехом добавил он.

Я слегка поморщилась. Слова Кристофера прозвучали довольно грубо – мне бы никогда не пришло в голову сказать подобное мистеру Дориану, но, когда я уже собралась выйти из своего укрытия, тот ответил:

– Если бы меня заботило мнение каждой невзрачной домохозяйки средних лет, – начал он скучающим тоном, в котором не было слышно и ноты обиды, – то я не написал бы десять романов.

Казалось, его ответ поразил Кристофера не меньше, чем меня, потому что прошло несколько долгих секунд, прежде чем с его губ слетел изумленный смешок.

– Верно, верно, – произнес он, а затем поспешил сменить тему разговора.

Но я больше не слышала ни слова. Вернулась в альков, а мужчины двинулись обратно к террасе, и их голоса постепенно затихли. Я долго стояла в прохладной полутьме, прежде чем из другого конца коридора до меня донеслась еще пара голосов. В этот раз я узнала Флоренс и миссис Барт – пожилую француженку с превосходным вкусом. Я одернула платье и вышла в коридор им навстречу.

– Минни, вот ты где! – воскликнула Флоренс. – Мы начали волноваться. Ох, ты прекрасно выглядишь!

Миссис Барт тоже похвалила мой наряд, и искреннее восхищение в их глазах бальзамом легло на мою раненую гордость.

Вот вам и *невзрачная домохозяйка*. Да как он посмел сказать такую нелепицу? Особенно учитывая то, в каком виде *он* предстал передо мной тем утром. Хотя даже я была готова при-

знать, что слово «щегольской», которое пришло мне на ум во время той встречи, было куда более комплиментарным.

– Спасибо. Простите за опоздание.

Флоренс только отмахнулась.

– Не переживай об этом, – сказала она и взяла меня под руку. – Я знаю, как тяжело бывает выбраться из дома, когда нужно заботиться о двух малышах. Пойдем на террасу. Все уже собрались, чтобы насладиться чудесным вином, которое принес мистер Дориан.

Я нахмурилась, заметив в толпе его профиль. Стоило признать, что мужчина был довольно привлекателен.

– Звучит восхитительно.

Мистер Дориан обернулся, когда мы вышли на террасу, и наши взгляды пересеклись, как тем утром. Выражение его лица осталось столь же суровым и непроницаемым, но я заметила, что он окинул взглядом мою фигуру. Я расправила плечи и постаралась не дать удовлетворению отразиться на лице. Поскольку мистер Дориан стоял на дальнем конце террасы, сперва нам пришлось пробраться сквозь толпу других гостей, каждого из которых нужно было поприветствовать. На мистера Дориана я больше так и не взглянула, но все это время ощущала на себе его взгляд, и это заставило меня вести себя гораздо очаровательнее, чем обычно. Здороваясь с другими дамами и джентльменами, я поняла, что Клео была права. Вирджиния Тейлор нарядилась в не менее элегантно платье, чем я, как и другие приглашенные леди. Если бы я настояла на своем и надела голубое платье, то и правда чувствовала бы себя весьма невзрачной.

Наконец мы добрались до почетного гостя. Писатели всегда представлялись мне бледными, тонкокостными созданиями, учитывая, что большую часть своего времени они проводили за печатными машинками в своих кабинетах, настолько глубоко погружившись в собственный гений, что прозаические вещи вроде еды и прогулок на свежем воздухе переставали их волновать. Но мистер Дориан, на первый взгляд, мог похвастаться отличным здоровьем. Солнце позолотило его кожу, и к тому же он оказался куда выше, чем я ожидала: в нем было примерно сто восемьдесят с небольшим сантиметров, хотя в росте Оливеру он все же немного уступал. Но, в отличие от моего дорогого мужа, мистер Дориан отличался внушительно мускулистой фигурой.

У него был сильный подбородок, прямой нос и густые темные волосы. Я была готова признать, что, не подслушав я бессердечных слов обо мне, сочла бы его самым красивым мужчиной из всех, кого мне приходилось встречать. Но сейчас мне в нем виделась лишь подлость и вульгарность. Возможно, снаружи он был прекрасен, но у меня имелось множество причин подозревать, что внутри он прогнил до костей.

– Счастлива наконец с вами встретиться, мистер Дориан, – сказала я куда более любезно, чем он того заслуживал. – Признаюсь, я пока не читала ваших книг, но, если мне не изменяет память, мой почивший муж был большим поклонником вашего творчества.

Тут я не лукавила: изучив книжные полки этим утром, я обнаружила довольно внушительную коллекцию книг об инспекторе Дюмоне.

Их автор замешкался, прежде чем ответить на мое рукопожатие.

– Благодарю, – угрюмо произнес он. – Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, миссис Харпер.

– И раз уж мы с вами соседи, а вы впервые посетили этот остров, – продолжила я с блаженной улыбкой, – не стесняйтесь нанести нам визит, если вам что-то понадобится.

Вот оно. Посмотрим, как он отреагирует на *это* предложение.

Его челюсть на мгновение напряглась, но в темных глазах не отразилось ни намека на эмоции.

– Вы слишком добры, – пробормотал он, коротко кивнув.

Больше я и словом с ним не обмолвилась до конца вечера: отчасти потому, что все еще кипела от злости, отчасти потому, что не хотела заискивать перед ним, как делали остальные гости. Хотя, казалось, всеобщее внимание не приносило мистеру Дориану удовольствия. Каждый раз, стоило мне взглянуть в его сторону, он то мрачно хмурился, то скучающе взирал на очередного собеседника.

Оказалось, Флоренс тоже была его поклонницей: она призналась, что они с Оливером могли часами обсуждать детали некоторых романов мистера Дориана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.